

Вестник Европы

1866 том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В38

В38 Вестник Европы: 1866 том 2 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 722 с.

ISBN 978-5-517-91909-0

Русский литературно-политический ежемесячник умеренно либеральной ориентации, выпускавшийся с 1866 по 1918 год в Санкт-Петербурге (продолжал традицию одноимённого журнала, основанного в 1802 году Н. М. Карамзиным). До 1868 года выходил ежеквартально, с 1869 года — ежемесячно. Редактор-издатель М. М. Стасюлевич (с 1866 по 1908 год). В журнале преимущественное внимание уделялось истории и политике. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1866 года

ISBN 978-5-517-91909-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

«Zródło tej sprawy, z którego następujące płynęły potoki, wprawdzie *tajemne rady* skrycie chowane być miały i nie trzeba odkrywać tego, co by na potem przestrzędz nieprzyjaciela miało *).

(Рукоп. библиот. Краснск. В. 1. 8).

I.

НАЗВАННЫЙ ЦАРЬ ДИМИТРИЙ

ГЛАВА ВТОРАЯ **).

I.

Прибытіе Димитрія въ Москву. — Встрѣча за городомъ и торжественный въѣздъ. — Димитрій въ Кремль и народныя о немъ толки.

Давъ приказаніе, чтобъ въ Москвѣ не было у него враговъ, Димитрій выѣхалъ изъ Тулы и прибылъ въ Серпуховъ. Онъ ѣхалъ медленно, отовсюду стекался къ нему народъ всякого зва-

*) «Источники этого дѣла, изъ котораго потекли послѣдующіе ручьи, по правдѣ заключаются въ тайныхъ умысленияхъ, старательно скрываемыхъ, и не слѣдуетъ дѣлать извѣстнымъ того, что можетъ на будущее время предостеречь непріятеля». (Слова, сказанныя въ польскомъ сенатѣ на сеймѣ, 1611 г., по поводу вопросовъ, касающихся смутнаго времени).

**) См. предыдущ. въ т. I, отд. I, стр. 1.

нія и состоянія; онъ останавливался, говорилъ съ народомъ, спрашивалъ подробно о его житьѣ-бытьѣ, обѣщалъ льготы. Онъ понималъ, что въ Московскомъ государствѣ новый царь долженъ показаться милостивымъ и дать народу надежду, что при новомъ государѣ будетъ лучше, чѣмъ при прежнемъ было. Въ Серпуховѣ, онъ снова остановился на короткое время. Привезли изъ Москвы огромный шатеръ: въ немъ можно было помѣстить нѣсколько сотъ человѣкъ. Въ Московскомъ государствѣ тогда всѣ шествовали шатрами, и, какъ наступаетъ лѣто, богатый человѣкъ выѣзжаетъ въ поле, разбиваетъ нарядный шатеръ: тамъ онъ веселится и пируетъ съ друзьями. Шатеръ, привезенный Димитрію, раздѣлялся на нѣсколько отдѣленій въ видѣ комнатъ; одна изъ нихъ, просторнѣе другихъ, была столовою; внутренность обита была золототканными матеріями. Снаружи этотъ шатеръ былъ разукрашенъ пестро: въ него входили четырьмя входами въ видѣ воротъ; на верху его были возвышенія въ видѣ башенъ. Разомъ съ шатромъ пріѣхала изъ Москвы царская кухня съ огромнымъ запасомъ живности, приностей, винъ, меда; привезли столовую драгоценную посуду, ѣхала многочисленная прислуга, везли царскія дорогія кареты, пригнали изъ царской конюшни до 200 лошадей. На лугу, не далеко отъ берега Оки, устроенъ былъ шатеръ. Въ немъ молодой царь давалъ первый пиръ. День тогда былъ ясенъ и тихъ. Въ столовой шатра угощали Димитрій бояръ, окольничихъ, думныхъ дьяковъ, пріѣхавшихъ изъ Москвы. Тутъ же были и поляки, провожавшіе Московскаго государя на свое наслѣдіе. Пріѣхавшіе били даромъ челомъ, желали здравія и приносили по обычаю подарки: соболѣи мѣха, серебрянныя и золотыя вещи. Царь также ихъ отдаривалъ. Задѣвъ узналъ онъ, что Федора и Маріи нѣтъ на свѣтѣ, а ихъ родные и пріатели вывезены изъ столицы. Внутренно онъ былъ доволенъ, что Годуновыхъ извели, и приблизилъ къ себѣ убійцъ, а наружно сожалѣлъ о погибелѣ Годуновыхъ и показывалъ видъ, что готовъ помиловать лютейшихъ враговъ своихъ.

Отпировавъ на славу, Димитрій двинулся изъ Серпухова въ Москвѣ торжественнымъ поѣздомъ, въ великолѣпной каретѣ, въ сопровожденіи множества знатныхъ особъ ¹⁾. Онъ прибылъ въ село Коломенское и тамъ еще разъ остановился.

Опять раскинули шатеръ на просторномъ лугу, окаймляющемъ Москву-рѣку. Продолжала стоять прекрасная погода. Народъ всѣхъ сословій и состояній изъ Москвы повалилъ туда.

¹⁾ Borsza. — Petricii, 84.

Шли попы, монахи, гости, посадскіе люди поклониться царю своему; съ москвичами, толпою приходили и крестьяне изъ селъ. Это была, по старинному русскому обычаю, почетная встрѣча государю; она всегда отправлялась на нѣкоторомъ разстояніи отъ столицы. Такъ дѣлалось въ бывшія времена выборныхъ князей: всегда, бывало, князя встрѣчаютъ жители за городомъ. Всѣхъ допускалъ къ себѣ Димитрій, со всѣми обходился равно любезно, равно царски-милостиво. Царю подносили подарки, кто одежды, кто мѣха, кто золото, серебро, жемчугъ, дорогіе камни, а иные хлѣбъ-соль. Димитрій принималъ хлѣбъ-соль отъ бѣдняковъ съ особеннымъ чувствомъ и расположеніемъ. Онъ говорилъ: «я не царемъ, не великимъ княземъ у васъ буду — я хочу быть отцомъ у васъ; все прошлое забыто; что вы служили измѣнникамъ Борису и его дѣтямъ, я того во вѣки не помню; буду любить васъ; — только и буду жить, что для пользы и счастья моихъ любезныхъ подданныхъ» ¹⁾).

Тутъ онъ рассказывалъ свои походы: вездѣ по дорогѣ онъ такъ поступалъ; это очень нравилось народу: ему вѣрили; его рассказы казались правдоподобными, а кто зналъ что нибудь такое, что не сходилось съ рассказами царя, долженъ былъ на тотъ разъ прикусить языкъ.

Бояре кланялись ему и говорили: «иди, великій государь, на свой прародительскій престолъ въ царствующій градъ. Великій государь, спасенный Богомъ! прими свое наслѣдіе, радуйся и веселись вмѣстѣ съ вѣрнымъ твоимъ народомъ: враги твои исчезли яко прахъ. Нѣтъ болѣе мыслящихъ тебѣ злое — всѣ готовы служить и прамить тебѣ, своему истинному государю» ²⁾).

Тутъ пришли къ нему нѣмцы, служившіе у Бориса. Не противься, великій государь — говорили ихъ офицеры — мы стояли противъ тебя на войнѣ; насъ обязывалъ долгъ присяги Борису: онъ былъ тогда царемъ; теперь, когда вся земля русская тебя признала государемъ, мы также вѣрно готовы служить тебѣ! Они говорили искренно, думали такъ, какъ прилично думать иноземцамъ наемникамъ; для нихъ не было сердечныхъ побужденій къ странѣ, куда ихъ забросила судьба; для нихъ все нравственное достоинство состояло въ точномъ выполненіи денежныхъ условий. Димитрій понялъ это, обошелся съ ними не только безъ сухости и безъ досады, но еще съ любезностью, и улыбаясь сказалъ: «вы служили вѣрно Борису, сражались противъ меня храбро; когда войско перешло на мою

¹⁾ Petr., 176.

²⁾ Petr. 176.

сторону подъ Кромами, вы не пошли за нимъ, а воротились въ Борису. Вы не знали нашихъ дѣлъ. Если вы, вступивши теперь ко мнѣ на службу, будете такъ же вѣрны и мнѣ, какъ были вѣрны Борису, я буду вамъ довѣрять и любить васъ. Кто держалъ знамя на Добрынской битвѣ?»

Тотъ, кого нужно было, выступилъ изъ толпы. Димитрій положи ~~руку~~ руку на голову и сказалъ: «мнѣ памятно твое знамя ~~нѣмцы~~ нѣмцы, чуть меня не схватили, и насилу мой конь унес ~~онъ~~ онъ былъ тогда страшно раненъ, мой бѣдный конь! онъ ~~здорово~~ со мною, и до сихъ поръ еще не выздоровѣлъ. Онъ унесъ меня тогда и спасъ. Еслибъ вы, нѣмцы, тогда меня взяли, вы бы убили меня?»

Нѣмецъ почтительно поклонился и сказалъ: «Благодареніе Богу, что ваше величество ушли тогда отъ бѣды. Да сохранить Богъ ваше величество отъ всякихъ опасностей ¹⁾!»

Всѣ казались довольны и веселы, и русскіе и нерусскіе, и знатные и простые. Но всеобщее торжество уже начало отравляться предзнаменованіями. Когда небо было совершенно безоблачно, надъ горами московскихъ церквей и домовъ замѣчали какую-то мглу. Не всѣ это видѣли, но были такіе, что увидали и чувствовали то, что для другихъ глазъ было недоступнымъ ²⁾.

Гонцы бѣжали взадъ и впередъ; въ городѣ происходили приготовленія къ торжественному вѣзду новаго государя.

20 іюня утромъ, Димитрію подвели коня самаго лучшаго, ~~какой былъ~~ въ царской конюшнѣ, и убрали его сбрую самою драгоценною, какую Богданъ Бѣльскій могъ отыскать въ царской оружейной палатѣ. Димитрія окружили бояре, околичныи и думные люди. Одинъ другого старался перещеголять, и одежами, и конями, и конскою сбруюю.

Начался вѣздъ. Съ Серпуховской дороги онъ вступалъ въ городъ по Зарѣчью. Прежде всего народъ увидѣлъ польскія роты; ихъ оружіе и латы были вычищены съ особеннымъ стараніемъ и блистали противъ солнца. Онѣ держали свои копья остріями вверхъ; между ними ѣхали трубачи и барабанщики и играли на своихъ инструментахъ. За ними слѣдовали стрѣльцы по два въ рядъ пѣшкомъ, чинно и важно; потомъ везли царскія кареты; яркія краски блистали на покрывахъ, закрывавшихъ ихъ входы; въ каждой каретѣ запряжено было по шести отличныхъ лошадей. За каретами ѣхали верхомъ дворяне, дѣти

¹⁾ Буас. 36.

²⁾ Ник., 70.

боярскіе, въ своихъ праздничныхъ кафтанахъ; ихъ воротники, вышитые золотомъ и усаженные жемчужинами, сверкали противъ солнца подвижною искристою линією. Позади ихъ гремѣли нагры и бубны, московская военная музыка. Потомъ слѣдовали также верхомъ длинный рядъ русскихъ служилыхъ; за ними несли церковныя хоругви, а потомъ шло духовенство въ сверкающихъ золотомъ ризахъ; каждый держалъ образъ или евангеліе; въ концѣ духовнаго ряда несли четыре образа: Спасителя, Божіей Матери и св. московскихъ чудотворцевъ, богато изукрашенные золотомъ и жемчугомъ. За этими образами ѣхалъ новый первопрестольникъ русской церкви, вмѣсто сверженнаго Гога, еще не посвященный въ этотъ санъ, но уже назначенный царемъ. Передъ нимъ несли посохъ. Вслѣдъ за нареченнымъ патриархомъ народъ увидѣлъ давно жданнаго царя, чудесно спасеннаго Провидѣніемъ. Онъ былъ въ золотномъ платьѣ; одинъ воротникъ или ожерелье цѣнился, какъ говорятъ современники, до 15,000 злотыхъ. Онъ былъ окруженъ боярами и околичными, какъ большое дерево малыми отпрысками, по выраженію народныхъ пѣсень о царѣ. За царемъ слѣдовала пестрая толпа казаковъ, волжскихъ, яцкихъ, донскихъ и запорожскихъ, пришедшихъ на дорогѣ служить новому царю ¹⁾. За ними ѣхали поляки, татары; наконецъ, безчисленное множество народа бѣжало съ радостными лицами. На улицахъ, по окнамъ и по крышамъ домовъ, даже по вершинамъ церквей, пестрѣли толпы посадскихъ и пришедшихъ изъ волостей крестьянъ; приходили не только изъ сосѣднихъ, но изъ далекихъ посадовъ и уѣздовъ на великій неслыханный праздникъ русскій: они встрѣчали своего царя законнаго, погибшаго и обрѣтеннаго; имъ тогда казалось, что, послѣ долгихъ лѣтъ обмана, невзгодъ и насилія, наступили ясные дни надеждъ и благополучія... Шумныя восклицанія раздавались, какъ только Димитрій въ своемъ поѣздѣ равнялся съ тою или другою громадою народа. «Вотъ онъ! — кричали русскіе, — нашъ батюшка кормилецъ! Богъ его чудесно спасъ и привелъ къ намъ! Сколько бѣдъ и напастей онъ перетерпѣлъ, голубчикъ! ахъ, ты праведное солнышко наше! взшло ты, ясное, надъ землею русскою, царь нашъ государь Димитрій Ивановичъ! Богъ тебя сохранилъ доселѣ, сохрани тебя Господи и напредки!» Такъ кричалъ русский народъ, а Димитрій, обращаясь на обѣ стороны, восклицалъ: «Боже, сохрани мой вѣрный народъ въ добромъ

¹⁾ Хроногр. Пол. № 1451. — Разск. изв. Савиц. въ *Essays critico.* — Вогана.

здоровья! молитесь Богу за меня, мое приращенье, мой народъ любезный, вѣрный!»

Поездъ наконецъ дошелъ до Москвы-рѣки и поѣхалъ по мосту, который былъ устроенъ изъ досокъ, положенныхъ на бочкахъ, плотно связанныхъ между собою. Когда передніе поѣхали, и царь вступилъ на мостъ, вдругъ поднялся вихрь, вздулась пыль столбомъ и всѣ принуждены были закрывать глаза и придерживать на головахъ шапки. «Господи Боже, — восклицали многіе — что это! ужъ не бѣду ли какую нибудь пророчить! Господи помилуй, Господи помилуй!»

Димитрій поѣхалъ въ ворота, стоявшіе при концѣ моста, называвшіеся водяными. Поездъ очутился въ Китайгородѣ. Передъ глазами былъ Кремль. Димитрій снялъ шапку, перекрестился и громко воскликнулъ: «Господи Боже! благодарю тебя: ты сохранилъ мнѣ жизнь и сподобилъ увидѣть градъ отцовъ моихъ и мой народъ возлюбленный.» По щекамъ его текли слезы. Весь народъ съ нимъ плакалъ. Оглушительно разливался колокольный звонъ. Димитрій подѣхалъ къ лобному мѣсту. Многочисленное собраніе духовенства изъ всѣхъ церквей московскихъ ожидало царя съ образами и хоругвями. Церковное пѣніе оглашало воздухъ; но въ то самое время польскіе музыканты заиграли на трубахъ, заколотили литавры и заглушили церковное пѣніе. Это явленіе показалось народу неладнымъ. Русскія уши не привыкли, чтобы мірскіе звуки забавы прерывали пѣніе духовенства и молитву.

Димитрій сошелъ съ коня, приложился къ крестамъ и образамъ. Тутъ замѣтилъ кое-что, особенно монахи, что онъ дѣлалъ это не совсѣмъ такъ, какъ долженъ былъ дѣлать природный московскій человѣкъ; для благочестивыхъ москвичей въ наклоненіи головы, въ колебаніи руки, творящей крестное знаменіе, въ изгибахъ тѣла при земныхъ поклонахъ, были черты, по которымъ узнавали истого-православнаго: иноземцу черезъ чуръ трудно было эти черты усвоить¹⁾. Но народное сердце на этотъ разъ извинило своего новообращеннаго царя. «Онъ былъ въ чужой землѣ — говорили русскіе — его сохранили и привели къ намъ иноземцы, а иноземцы не знаютъ нашего русскаго обычая.»

Димитрій вѣхалъ въ Кремль, сошелъ съ коня близъ Успенскаго собора, вошелъ въ храмъ, принялъ благословеніе отъ духовенства, приложился къ иконѣ Божіей Матери и другимъ иконамъ, къ мощамъ московскихъ святителей; отслужилъ молебень, а потомъ отправился въ Архангельскій соборъ къ гробамъ своихъ прародителей. Боаре окружали его; народъ толпился за нимъ.

¹⁾ Изъ Маса. 76.

Онъ припалъ къ гробу Ивана Грознаго. «О мой родитель! — говорилъ онъ — я оставленъ тобою въ изгнаніи и гоненіи, но я уцѣлѣлъ отеческими твоими молитвами.» Его слезы лились на гробъ Грознаго, и никто не могъ въ тѣ минуты допустить сомнѣнія, чтобъ это былъ не сынъ Ивановъ. Изъ Архангельскаго собора царь отправился въ Благовѣщенскую придворную царскую церковь. Тамъ, послѣ молебна, протоіерей Терентій произнесъ ему пріѣзственное слово ¹⁾.

Послѣ посѣщенія церквей, Димитрій вступилъ во дворецъ, и тутъ еще разъ принималъ поздравленія какъ бы съ новосельемъ. Во все продолженіе пути Димитрія, и послѣ того цѣлый день до вечера, безъ умолку гремѣли всѣ московскіе колокола и такъ сильно, что, по выраженію іезуитовъ, ѣхавшихъ въ свѣтъ новаго царя, можно было, казалось, оглохнуть ²⁾. Особенно поражалъ своимъ густымъ звукомъ огромный колоколъ въ пятьдесятъ пять футовъ шириною и въ пятнадцать футовъ вышиною, приводившій въ изумленіе иноземцевъ. Строгимъ ревнителямъ православнаго благочестія не понравилось, что въ церковь съ Димитріемъ входили иноземцы, поляки, нѣмцы, угры. Стало инымъ казаться, что тутъ оскверненіе святыни. Но были и такіе либералы, что смотрѣли на это безъ волненія, не находили тутъ ничего дурного. Въ самомъ дѣлѣ это была не новость, какъ иные тогда толковали. Царь Иванъ Грозный самъ предлагалъ Антонію Посевину посматрѣть русское богослуженіе въ Успенскомъ соборѣ, а во время свадьбы короля Магнуса съ племянницею царя, католическій священникъ, сопровождавшій короля, находился въ церкви, гдѣ происходило вѣнчаніе. Конечно, наибольшее число было такихъ, что не обратили вниманія на этотъ фактъ, очень естественный въ томъ положеніи, въ какомъ находился Димитрій. Иноземцы отнюдь не знали, что въ христіанской землѣ непозволительно входить въ храмъ христіанамъ, какими они себя сами признавали.

Послѣ всего вышелъ на Красную площадь Богданъ Бѣльскій и взошелъ на Лобное мѣсто; его окружало нѣсколько знатныхъ особъ. Безчисленное множество народа тѣснилось въ страшной давкѣ, чтобъ услышать, что теперь скажетъ этотъ человекъ, который былъ съ дѣтства такъ близокъ къ Димитрію. «Православные! — сказалъ Бѣльскій — благодарите всемогущаго Бога за спасеніе нашего солнышва, истиннаго государя царя Димитрія Ивановича. Какъ бы васъ лихіе люди ни смущали, ничему

¹⁾ Напеч. въ Акт. Арх. Ком., т. II.

²⁾ Ciampi, *Esame critico*. — Grevenbruch, 95.

не вѣрять. Это истинный сынъ царя Ивана Васильевича. Во увѣреніе я дѣлаю передъ вами животворящій крестъ и святого Николаю чудотворца». Онъ снялъ съ шеи образъ, гдѣ было распятіе, и сверхъ того изображеніе Николая чудотворца (вѣроятно складни), поцѣловалъ, и продолжалъ: «святѣйшій Никола чудотворецъ помогаль ему до сихъ поръ во всѣхъ его бѣдахъ, и къ намъ привелъ его. Берегите жъ его, любите его, почитайте и служите ему прямо безъ хитрости, ни на что не прельщайся!» Народъ разразился восклицаніями: «Боже, сохрани нашего царя Димитрія Ивановича! Дай ему, Господи, здоровья и долгоденственнаго житія, и покори подъ ноги его всѣхъ враговъ и сопостатовъ, которые не вѣрятъ ему и не желаютъ ему добра 1)!»

Тогда въ народѣ объясняли спасеніе Димитрія такимъ образомъ (какъ это записалъ одинъ англичанинъ, который не могъ почерпнуть своихъ свѣдѣній ни откуда кромѣ народной молвы или отъ тогдашнихъ москвичей): когда Богданъ Бѣльскій былъ удаленъ отъ двора при царѣ Ѳедорѣ, ему сообщали обо всемъ, что дѣлается въ Москвѣ, его друзья 2); и, по этимъ извѣстіямъ, онъ, сообразивъ, что Борисъ замышляетъ истребить Димитрія, вошелъ въ сношеніе съ матерью его; мальчика подмѣнили: на его мѣсто подставили сына какого-то священника, который былъ однихъ лѣтъ съ царевичемъ и очень похожъ на него. Этотъ поповъ сынъ и воспитывался подъ именемъ царевича, и однажды, когда онъ игралъ съ дѣтьми, ему перерѣзали горло (по извѣстію англичанина, кажется смѣшавшему то, что онъ слышалъ, судя по тому, что въ лѣтописяхъ въ этомъ событіи играетъ роль ожерелье) какъ будто случайно, желая разрѣзать шейное ожерелье. Тѣло царевича въ продолженіе трехъ дней стояло всенародно; всѣ думали, что это Димитрій, а настоящій царевичъ между тѣмъ проживалъ въ неизвѣстности. Дальнѣйшія коловратности его судьбы не дошли до ушей иноземца 3). Такимъ образомъ, видно, что въ Московскомъ государствѣ извѣстилось спасеніе царевича гораздо сходнѣе съ извѣстными народу обстоятельствами углицкаго убійства, чѣмъ рассказывалъ въ Польшѣ объ этомъ спасеніи тотъ, кто назвался Димитріемъ.

1) Petr. 176.

2) Дьякъ Андрей Щелкаловъ и Андрей Слускенине (Квашининъ?).

3) Smith, 45 — 46.

II.

Первые дни царствованія Димитрія въ Москвѣ.—Заговоръ Шуйскаго.—Пріѣздъ матери. — Царское вѣнчаніе.

Въ первые дни послѣ своего воцаренія, Димитрій занялся дѣлами и тотчасъ показалъ склонность къ реформамъ, какъ обѣщалъ въ Путивлѣ. Онъ началъ со вѣйшности. Видно было, что онъ нахватався приѣмовъ иноземной образованности и счелъ ее выше московской, но не успѣлъ взвѣсить условій ея съ разныхъ сторонъ. Явилось подражаніе польскому строю. Боярская дума была переименована въ сенатъ; членовъ думы новый царь окрестилъ названіями польскихъ чиновъ. Сенатъ раздѣлилъ онъ на двѣ половины: духовныхъ особъ и думныхъ людей. Явились званія великаго дворецкаго, подскарбія, мечника, крайчаго, подчашаго, печатника ¹⁾. Видно, однако, что онъ подходилъ къ этимъ нововведеніямъ не быстро и хотѣлъ соблюдать постепенность. Такимъ образомъ, сразу введено только небольшое похожее на польское. Тогда возвысились тѣ, что были въ опалѣ при Годуновыхъ, и тѣ, что приставали къ Димитрію сначала и сдавали ему города, и изгнанники, воротившіеся съ нимъ изъ Польши, и тѣ, наконецъ, въ комъ онъ замѣчалъ расположеніе ко введенію иноземныхъ обычаевъ. Въ думѣ засѣли, между прочимъ, прежніе воеводы сѣверскихъ городовъ Рубецъ Мосальскій, кн. Татевъ, кн. Кашинъ, кн. Долгорукій-Роща, а дьякъ Сутуповъ, сдавшійся въ Путивлѣ, получилъ званіе печатника. Бѣльскій возведенъ въ санъ великаго оруженнаго. Гаврило Пушкинъ, такъ отважно вступившій въ Москву съ грамотою, сдѣланъ думнымъ дворяниномъ. Дьякъ Власевъ, дипломатъ прежняго времени, упорно стоялъ за Бориса, и явился къ Димитрію только въ Тулѣ, но Димитрій полюбилъ его особенно за то, что онъ былъ образованный человекъ. Во многіе города назначены новые воеводы; надобно было поддержать воротившихся изъ ссылки и своихъ наградить, и тѣмъ самымъ царь удерживалъ въ повиновеніи край. Онъ перемѣнилъ придворную прислугу, отставилъ долго служившихъ Годуновымъ и назначалъ тѣхъ, которымъ могъ болѣе довѣрять; притомъ ввелъ въ число придворной челади уроженцевъ изъ польскихъ владѣній, которые съ нимъ пріѣхали. Они были и живѣе и смышленѣе московскихъ людей и умѣли читать и писать.

Онъ отправилъ за матерью князя Михаила Скопина-Шуй-

¹⁾ Собр. гос. гр. II, 210.

скаго, юношу двадцати лѣтъ, котораго наименовалъ мечникомъ. Его сопровождали дворяне. Они должны были привести инокиню Марѳу, находившуюся въ ссылкѣ въ пустынь на Выксѣ за Череповцемъ.

24 іюля, былъ посвященъ патріархомъ Игнатій. Освященный соборъ уже привыкъ повиноваться: въ такихъ случаяхъ воля царская и прежде была исполняема.

Димитрій отлагалъ царское вѣнчаніе до пріѣзда матери. Поляки совѣтовали ему поспѣшить, полагали, что послѣ вѣнчанія онъ получитъ въ глазахъ народа значеніе неприкосновеннаго помазанника божія, и, слѣдовательно, будетъ тверже на престолѣ. Но царь зналъ народные обычаи: уваженіе къ родителямъ, особенно къ матери, русскіе считали первою добродѣтелью: этимъ вниманіемъ онъ надѣялся поправиться народу.

Между тѣмъ, пока еще не пріѣхала мать, пока еще не успѣли съѣхаться изъ ссылки гонимые Борисомъ, которые должны были увеличить число царскихъ приверженцевъ, Василій Шуйскій сталъ уже устраивать ему гибель. Онъ призналъ его истиннымъ сыномъ Грознаго тогда, когда еще живы были Годуновы; ему представился удобный случай ихъ низвергнуть и уничтожить; теперь — ихъ не стало, и Шуйскому къ достиженію престола препятствіемъ оставался одинъ Димитрій; одного его нужно было устранить. Погибни Димитрій: вѣнецъ будетъ на головѣ Василя. Князь Мстиславскій не захочетъ быть царемъ; Василій былъ ближайшимъ преемникомъ московскихъ царей. Его двое братьевъ не могли быть ему соперниками: они были моложе его. Но еще невозможно было явно предъ всею землею стать противникомъ признаннаго имъ самимъ царя. Шуйскій разсчелъ, что сперва нужно отравить пылкія минуты народного восторга, бросить въ народъ сомнѣніе о царственномъ происхожденіи Димитрія и указать на такія стороны въ его поведеніи, которыя возбуждали бы тайное неудовольствіе въ московскихъ людяхъ. Его замысламъ должны были помогать поступки поляковъ, сопровождавшихъ Димитрія: въ первые же дни, какъ только размѣстились въ Москвѣ, они стали дѣлать хозяевамъ насилія и безчинства, особенно обращались нагло съ женщинами ¹⁾. И вотъ, какъ только новый царь устроился во дворцѣ московскихъ государей, Василій Шуйскій, при пособіи брата Димитрія, принимаетъ въ домъ свой знакомыхъ торговыхъ людей; на челѣ ихъ былъ нѣкто по имени Ѳеодоръ Коневъ. Шуйскій даетъ имъ наставленіе, что говорить и какъ говорить, пору-

¹⁾ Petricij, 81. — Grevenbr., 33.